

Вклад благотворительных фондов в развитие человеческого капитала в беднейших странах на примере Бурунди и Кении

Владимир Степанович Кибукевич[✉],
Гульнара Фатыховна Ромашкина

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: v.kibukevich.sas@gmail.com[✉]

Аннотация. В статье авторы анализируют деятельность благотворительных фондов в Бурунди и Кении через призму теорий человеческого, социального и культурного капиталов, а также концепции дара. Исследование основано на восьми интервью с волонтерами и сотрудниками фондов в Бурунди и Кении. Анализ проводился с позиций интерпретативизма. Авторами были выявлены противоречия между декларируемыми целями помощи и скрытыми мотивами, такими как мягкая сила, символический обмен и институциональные лакуны. Показано, что государственные системы образования в Бурунди и Кении неэффективны, что в свою очередь создает пространство для неформальных акторов, таких как благотворительные фонды и НКО. Однако их деятельность часто носит фрагментарный характер и не решает системных проблем. На основе интервью с волонтерами и сотрудниками фондов авторы полемизируют с традиционными подходами, предлагая альтернативную интерпретацию их роли в глобальном юге.

Ключевые слова: благотворительность, человеческий капитал, социальный капитал, культурный капитал, теория дара, Бурунди, Кения

Цитирование: Кибукевич В. С., Ромашкина Г. Ф. 2025. Вклад благотворительных фондов в развитие человеческого капитала в беднейших странах на примере Бурунди и Кении // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 11. № 3 (43). С. 49–61. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2025-11-3-49-61>

Поступила 02.06.2025; одобрена 21.06.2025; принята 09.09.2025

The contribution of charitable foundations to human capital development in the poorest countries: the case of Burundi and Kenya

Vladimir S. Kibukevich✉, Gulnara F. Romashkina

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: v.kibukevich.sas@gmail.com✉

Abstract. This article examines the activities of charitable foundations in Burundi and Kenya through the lens of theories of human, social, and cultural capital, as well as the concept of the gift. The study is based on eight interviews conducted with volunteers and staff members of foundations operating in these countries. The analysis is grounded in an interpretivist approach. The research reveals tensions between the declared aims of aid provision and underlying motives such as soft power, symbolic exchange, and the filling of institutional voids. The findings indicate that state education systems in Burundi and Kenya are largely ineffective, creating space for informal actors such as charitable organizations and NGOs. However, their efforts are often fragmented and fail to address systemic issues. Drawing on interviews with volunteers and foundation staff, the authors challenge conventional approaches and offer an alternative interpretation of the role of these actors in the Global South.

Keywords: charity, human capital, social capital, cultural capital, gift theory, Burundi, Kenya

Citation: Kibukevich, V. S., & Romashkina, G. F. 2025. The contribution of charitable foundations to human capital development in the poorest countries: the case of Burundi and Kenya. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 11(3), 49–61. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2025-11-3-49-61>

Received Jun. 2, 2025; Reviewed Jun. 21, 2025; Accepted Sept. 9, 2025

Введение

Благотворительные фонды, такие как Фонд Билла и Мелинды Гейтс или UNICEF, позиционируют себя как ключевые игроки в развитии человеческого капитала в беднейших странах. Однако их деятельность редко подвергается критическому анализу с точки зрения скрытых мотивов и институциональных последствий. В статье ставится под сомнение тезис о бескорыстности такой помощи, опираясь на теории П. Бурдьё, Г. Бэккера, М. Мосса и Д. Норта.

Человеческий капитал (образование, здравоохранение, качество жизни) признан ключевым фактором развития. В беднейших странах, таких как Бурунди и Кения, его низкий уровень сдерживает экономический рост и социальный прогресс¹. Бурунди — одна из беднейших стран мира (ВВП на душу ~\$220), где более 70% населения живет за чертой бедности. Кения, несмотря на относительный экономический рост, имеет высокий уровень неравенства, и многие регионы остаются крайне неразвитыми. Благотворительные фонды (например, Фонд Билла и Мелинды Гейтс², UNICEF³, местные НКО) играют критическую роль в финансировании образования, здравоохранения и социальных программ в беднейших странах [Banks и др., 2015]. Рассматривая деятельность благотворительных фондов, мы можем задавать вопросы о природе такой деятельности. Что это: альтруизм, филантропия, расчетливая «мягкая сила», проявления человеческого, социального и культурного капиталов, обмен «дарами»? Примером таких организаций могут выступать российские и международные фонды в Бурунди и Кении, где образовательные и социальные проекты реализуются в постконфликтных сообществах.

Как показали исследования, проекты не только направлены на формирование базовых навыков и знаний у детей, но и способствуют укреплению социальных связей, распространению культурных норм и созданию устойчивых сообществ. Цель данной работы — проанализировать деятельность волонтерских организаций, опираясь на концепции человеческого, социального и культурного предполагает адаптацию западных теоретических моделей к контексту стран экваториальной Африки, где неформальные институты часто играют более значимую роль, чем формальные, а мотивации акторов выходят за пределы экономической рациональности.

Теоретическая рамка: между капиталом и даром

Теория человеческого капитала предполагает, что инвестиции в образование и здравоохранение ведут к экономическому росту [Becker, 1993]. Однако в контексте Бурунди и Кении, где формальные институты слабы, этот подход оказывается ограниченным [Pritchett, 2024]. Институциональные лакуны подчеркивают необходимость гибридных моделей помощи [North, 1990]. Социальный капитал также не всегда трансформируется в экономические блага из-за институциональных барьеров [Bourdieu, 1986; Putnam, 2000; Woolcock, Narayan, 2000]. Культурный капитал, передаваемый через образовательные проекты, часто становится полем борьбы между локальными традициями и глобальными стандартами [Appadurai, 1996; Frank 1967].

Здесь возникает вопрос: не являются ли благотворительные программы инструментом культурной гегемонии? Теория дара [Мосс, 2002] раскрывает скрытую логику

¹ The Human Capital Project in Sub-Saharan Africa: Stories of Progress // WorldBank. <https://www.worldbank.org/en/region/afr/publication/the-human-capital-project-in-sub-saharan-africa-stories-of-progress> (дата обращения: 14.06.2025).

² Gates Foundation. <https://www.gatesfoundation.org/> (дата обращения: 14.06.2025).

³ ЮНИСЕФ. <https://www.unicef.org/ru/about/organizations/unicef> (дата обращения: 14.06.2025).

взаимности: дар никогда не бывает бесплатным. Волонтеры, как показали интервью, получают символические и социальные дивиденды — от экзотического опыта до профессионального роста.

Методы

Настоящее исследование опирается на качественную стратегию сбора данных с использованием полуструктурированных интервью. Такой подход позволяет выявить субъективные представления, ценности, нормы и практики образовательной деятельности фондов в Бурунди и Кении. Исследование строится в парадигме *интерпретативизма*, что предполагает акцент на интерпретации социальных значений, придаваемых действиям и практикам волонтеров и местных координаторов.

Исследование основано на 8 полуструктурированных интервью с волонтерами и сотрудниками благотворительных фондов, действующих в Бурунди и Кении. Среди респондентов 5 волонтеров из России, 2 из Канады и Израиля, а также 1 местный координатор. Длительность пребывания волонтеров варьировалась от 2 недель до 6 месяцев, местные сотрудники задействованы в проекте от 3 до 8 лет. Таблица с характеристиками респондентов представлена в приложении 1.

Интервью проводились в устной форме на русском и английском языках. Аудиозаписи были расшифрованы, далее применялся метод тематического анализа, с выделением повторяющихся мотивов, паттернов и ключевых нарративов [Braun, Clarke, 2006]. Для первичного кодирования использовалась комбинация дедуктивного и индуктивного подходов: часть тем была предопределена теоретической рамкой, часть — выявлена в ходе анализа.

Обзор литературы

Теория человеческого капитала, заложенная Т. Шульцем и получившая развитие в трудах Г. Беккера, исходит из предпосылки, что инвестиции в образование и профессиональные навыки увеличивают производительность труда и доходы индивидов [Becker, 1964]. В рамках этой логики благотворительные программы в странах Африки могут рассматриваться как инвестиции, повышающие потенциал будущей занятости. Однако применение этой теории в африканском контексте требует оговорок. Как указывает П. Притчетт, в странах с дефицитом формальной занятости и слабыми институтами рынка труда рост образовательного уровня не всегда ведет к экономическому росту [Pritchett, 2024]. Это поднимает вопрос об альтернативах, в частности о неформальной экономике, неэкономических результатах. Такие результаты могут проявляться в виде накопления и отдачи от социального капитала.

Социальный капитал как совокупность сетей, норм и доверия был концептуализирован П. Бурдьё [Bourdieu, 1986] и Р. Патнэмом [Putnam, 2000]. В случае благотворительных фондов социальный капитал проявляется через наставничество, коллективные формы труда и поддержку со стороны местных сообществ. Эти связи важны не только как фактор сплоченности, но и как условие доступа к экономическим возможностям.

Тем не менее в условиях Бурунди и Кении социальный капитал нередко имеет ограниченную трансформационную силу, так как слабость институтов ограничивает его экономическую конвертацию [Woolcock, Narayan, 2000].

Еще одним ресурсом, обмен которым может способствовать деятельность фондов в беднейших странах, является культурный капитал. П. Бурдьё определял культурный капитал как форму ресурса, передающегося через семейные и образовательные структуры [Bourdieu, 1986]. В анализируемых проектах элементы культурного капитала передаются через религиозные истории, местные сказания и образовательные практики, что способствует сохранению идентичности в условиях глобального давления. Критически важным представляется соответствие передаваемых культурных кодов требованиям современной экономики. Как отмечает А. Аппадурай, культурный капитал на глобальном юге подвержен напряжению между локальной легитимностью и глобальной эффективностью [Appadurai, 1996].

Не только государства, но и бизнес включает в сферу своего внимания перспективности вложений в развитие человеческого капитала в Африке¹. Сегодня усиливается интерес к роли международных некоммерческих организаций (НКО) и фондов как агентов развития человеческого капитала в странах глобального Юга. Современные исследования подчеркивают, что международные НКО не только компенсируют дефицит государственных услуг, но и формируют новые институциональные нормы, в частности в области инклюзивного образования, социальной поддержки и профессиональной подготовки [Banks и др., 2015]. Подчеркивается их значительная роль в транснациональной передаче знаний, организационных моделей и культурных кодов. Однако сохраняется критика со стороны исследователей: указывается на риск навязывания универсалистских подходов, отражающих приоритеты глобального Севера, в ущерб локальным практикам и устойчивости результатов [Banks и др., 2020].

На фоне растущей вовлеченности России в гуманитарную политику в Африке академическое внимание смещается на деятельность российских НКО за рубежом. В работах Чзерепа подчеркивается, что российские акторы действуют преимущественно вне рамок геополитической конкуренции, используя альтернативные каналы влияния — через православные миссии, диаспоры и русскоязычные женские сообщества [Chzerep, 2023]. Эти организации выстраивают доверительные отношения на местах и развивают проекты в сферах образования, ухода и профессионального обучения. В то же время отечественные исследования указывают на слабую институциональную устойчивость российских НКО: их работа часто опирается на личную инициативу и религиозную мотивацию, а не на устойчивые организационные модели [Novozhilov и др., 2021].

Современная литература также подчеркивает гибридный характер деятельности НКО, действующих в транснациональной перспективе. Они всё чаще совмещают функции наставничества, образования и социальной поддержки, переходя от модели «помощи» к модели «вовлеченного партнерства». Эмпирические исследования фиксируют наибольший эффект в тех случаях, когда НКО устойчиво интегрированы

¹ Global South Reserch. <https://globalsouth-research.com/eng/> (дата обращения: 14.06.2025).

в локальные сети — через кооперацию с религиозными общинами, местными администрациями и женскими кооперативами [Krylova, Kulkova, 2022]. В этой логике как международные, так и российские НКО могут рассматриваться как институты горизонтальной передачи человеческого и социального капитала в условиях слабых формальных институтов.

И наконец, часть исследователей стремится ответить на вопрос, зачем более развитые общества «одаривают» беднейшие страны через своих эмиссаров? Классическая теория дара, разработанная М. Моссом, постулирует, что дар никогда не является «бесплатным» и всегда влечет за собой моральное обязательство [Мосс, 2002]. В рамках волонтерских проектов дар может быть как материальным (продукты, обучение), так и символическим (внимание, забота).

Поскольку волонтерские фонды действуют вне государства, но выполняют функции социальной инфраструктуры, они выступают как гибриды, сочетающие рыночные, традиционные и административные элементы [North, 1990; Escobar, 2011; Nee, Ingram, 2005]. В условиях, когда формальные институты развиты слабо, альтернативой рыночному и административному механизмам выступает реципрокность [Кирдина, 2018; Радаев, 2002]. Эта исследовательская рамка позволяет интерпретировать благотворительную деятельность российских фондов в странах Африки (например, в Бурунди и Кении) как формы транснациональной реципрокности, в которых человеческий капитал — навыки, обучение, воспитание — передается через неформальные, морально мотивированные обмены, выходящие за рамки рыночной логики. Подобные практики могут быть рассмотрены как проявления «социальной экономики», где дар и забота функционируют как базовые механизмы производства и воспроизводства человеческих способностей, в том числе в образовательной и воспитательной сфере.

Результаты и обсуждение

Одним из ключевых вызовов в этих странах остается дефицит формальных институтов, которые обеспечивают стабильное и доступное образование. Государственные школы либо недоступны, либо переполнены и неэффективны, особенно в удаленных районах. Обычно в таких классах обучается 100 и более детей, практически без учебников и адекватных методик. В терминах Д. Норта, мы имеем дело с институциональными лакунами, отсутствием или слабостью ключевых институтов [North, 1990]. Эти пустоты заполняются за счет неформальных акторов — волонтерских, конфессиональных и благотворительных организаций, действующих через логики взаимопомощи, дара и сетевого доверия.

Откуда берутся сети? Руководитель одного из фондов в Бурунди, местный житель, окончивший университет в России, является ярким примером репатриации человеческого капитала. По возвращении в свою страну, при поддержке российских друзей и протестантских общин, он создал образовательную инициативу для детей из беднейших семей. Его рассказ иллюстрирует типичный путь от образовательной миграции к локальной институционализации:

«После того как я завершил обучение в России, я решил вернуться в Бурунди и посвятить свою жизнь помощи детям... Фонд был создан с целью помочь детям-сиротам, беспризорным детям с улиц...» (Респондент 2).

Такие случаи демонстрируют, как транснациональные биографии превращаются в социальный ресурс, который далее институционализируется в устойчивые практики.

Отвечая на вопрос, почему именно Бурунди, он говорит:

«Я не выбирал Бурунди, это моя родина... Моя цель — дать этим детям шанс на лучшее будущее» (Респондент 2).

Это высказывание не только иллюстрирует локальную мотивацию, но и формирует основу для интерпретации помощи как служения, сопряженного с этикой ответственности. В интервью регулярно используется лексика жертвенности и служения, что отражает риторические стратегии смысловой легитимации.

Другой респондент — студент из Канады, также участник проекта фонда в Бурунди — подчеркивает:

«Лично я выбрал Бурунди — интересный опыт и в то же время попытка сделать что-то важное для людей. Я из благополучной семьи, здесь же дети — простые парни и девчонки, которым просто не выпал счастливый билет родиться в Канаде или США» (Респондент 1).

Здесь прослеживается противопоставление «привилегированного» и «лишенного» положения, что часто становится катализатором мотивации к участию в проектах помощи. Таким образом, индивидуальный капитал трансформируется в поддержку формирования социальных сетей. Российские волонтеры описывают мотивы своего участия как «попытку сделать что-то важное» (Респондент 1), «служение» (Респондент 2), «ответ на внутренний зов» (Респондент 3). Однако за этим стоят не только религиозные или альтруистические мотивы, но и потребность в экзистенциальном наполнении.

Мотивация волонтеров демонстрирует сочетание альтруизма («желание помочь») и личных интересов («экзотика, путешествия»). Волонтеры эмоционально вовлечены в проблемы местных сообществ:

«Мы просто хотим частично заменить детям родителей, которых у них нет» (Респондент 4).

«Дети стали чище, спокойнее, добрее. Это медленный, но глубокий процесс — возвращение к жизни» (Респондент 8).

В рассказах прослеживается логика обмена: за отданные ресурсы — время, труд, навыки — волонтеры получают опыт, новые знания, чувство значимости, расширение мировоззрения, символическое признание со стороны как местных сообществ, так и отправивших их организаций. «Я люблю экзотику, что-то новое пробовать, плюс путешествия», — признается один из респондентов, напрямую указывая на личную заинтересованность в обмене (Респондент 6). Это подтверждает мысль Марселя Мосса о неявной логике дара, где акт дарения не является безвозмездным, а включает в себя обязательство взаимности — пусть и в отложенной форме [Мосс, 2002].

Поддержка таких проектов осуществляется преимущественно не через государственные или международные институты, а через горизонтальные каналы: церковные общины, личные связи, частные доноры. Один из волонтеров подчеркивает, что проект *«держится на вере, свидетельствах и отношениях, а не на грантах»* (Респондент 3). Это демонстрирует, как работает социальный капитал в терминах Патнэма: доверие и личные связи становятся основой устойчивости институциональных практик, особенно в условиях, где формальные механизмы не действуют [Putnam, 2000].

Фонды, о которых идет речь, не просто обеспечивают краткосрочную помощь. Они создают инфраструктуру базового образования для детей, живущих в бедности. Образовательные программы включают в себя уроки чтения, английского языка, арифметики, основы гигиены и даже этики, часто на основе библейских историй и местных сказок. Материалы адаптируются к уровню детей, многие из которых до этого не посещали школу и не имели базовых навыков чтения, письма и счета.

Методики, применяемые фондами, сочетают элементы классического и игрового образования: занятия проходят в форме рассказов, ролевых игр, песен и театрализованных представлений. *«Обучение проходит в неформальной форме, больше похоже на игру»*, — указывает Респондент 7, акцентируя внимание на культурной адаптации подходов. Использование библейских историй и африканских сказок позволяет создавать эмоциональную вовлеченность и культурную релевантность. *«Мы выбираем то, что реально помогает детям выжить: гигиена, грамотность, умение обращаться с деньгами»*, — подчеркивает практическую направленность содержания Респондент 5. Таким образом, исследование выявило, что образовательные фонды в слаборазвитых странах функционируют как институциональные интервенции снизу, заполняя лакуны, создавая инфраструктуру доверия и вовлекая как местных акторов, так и зарубежных участников в процессы долгосрочного обмена.

Их мотивация не сводится к альтруизму, но включает более сложную систему взаимных ожиданий, обязательств и признания — в материальной, символической и духовной плоскостях. Проведенные интервью показали, что наряду с моральными, духовными и профессиональными мотивациями (вера, альтруизм, педагогический интерес, христианская миссия, карьерное развитие) значимым, но не всегда артикулируемым фактором участия в деятельности образовательных фондов в странах Африки является доступ к уникальным формам локализованного и безопасного туризма, который невозможен без социальных связей, институциональных каналов и сопровождающей инфраструктуры, предоставляемых фондами. Эта мотивация укладывается в рамки обмена неравноценными, но значимыми благами, описанного М. Моссом в своем эссе *«О даре»*: волонтеры предоставляют время, профессиональные знания и человеческий ресурс, получая взамен неэкономические, но ценные активы — приключенческий опыт, аутентичные культурные впечатления и доступ в закрытые среды [Мосс, 2002].

Эти выводы также подтверждают наблюдения исследователей институциональной теории [Норт, 1990; Кирдина-Чендлер, 2018], которые подчеркивают, что в условиях институциональных лагун (слабость или отсутствие официальных институтов) именно неформальные сети и миссионерские/волонтерские структуры берут на себя организа-

цию доступа, координации и безопасности [North, 1990; Kirdina-Chandler, 2019]. Например, в кенийском районе Кибера (трущобы в Найроби), куда белым (мзунгу) крайне не рекомендуется отправляться без сопровождения, волонтеры могли работать с детьми только благодаря устойчивым связям фонда с местными общинами и гарантированному сопровождению. В Бурунди аналогичную роль играли поездки в сельскую местность на мотоциклах — они были бы невозможны и небезопасны без участия проверенных водителей и инфраструктуры фонда. С точки зрения теории социального капитала, фонды здесь выполняют функцию посредника между закрытыми сообществами и внешними агентами: они не только обеспечивают доверие и безопасность, но и открывают «коридоры доступа» к уникальному опыту [Bourdieu, 1986; Putnam, 2000].

Таким образом, фонды выступают как институциональные структуры, компенсирующие дефицит формальных структур и инфраструктуры, и именно это делает возможным «глубинный» туризм и миссионерское участие. В этом контексте можно говорить о формировании смешанного капитала: сочетание социального, культурного и символического капитала, обогащающего волонтеров и расширяющего их жизненные траектории. Данная динамика также ложится в логику теории реципрокности дара, развиваемой С. Кирдиной-Чендлер на основе моделей К. Поланьи [Кирдина-Чендлер, 2018; Радаев, 2002]. Согласно этой теории, дар — не просто обмен, а сложная социальная практика, связывающая акт дарения с ожиданием обратного — не обязательно материального, но символического и институционального. В условиях институциональных лакун и нестабильных социальных структур именно такой круговой обмен обеспечивает выживание и развитие сообществ. Волонтеры, предоставляя свое время и навыки, получают не только опыт и удовлетворение, но и важные социальные «ключи» и «доступы», которые иначе были бы недоступны, что усиливает их связь с фондом и местным сообществом, поддерживая устойчивость и развитие обеих сторон.

Заключение

По итогам проведенного исследования сформулируем следующие выводы.

1. *Институциональные лакуны и неформальные акторы.* Государственные системы образования в Бурунди и Кении неэффективны, что создает пространство для неформальных акторов — фондов и НКО [North, 1990]. Однако их деятельность часто носит фрагментарный характер и не решает системных проблем.
2. *Мотивы волонтеров: служение или самореализация?* Респонденты описывают свою работу как «служение» или «ответ на внутренний зов», но при этом признают личную заинтересованность: «Я люблю экзотику, что-то новое» (Респондент 6). Это подтверждает тезис Мосса о даре как обмене [Мосс, 2002].
3. *Культурный капитал и мягкая сила.* Использование библейских историй и местных сказок в образовательных программах (Респондент 7) можно интерпретировать как попытку навязать определенные культурные коды. Это созвучно критике Эскобара, который рассматривает помощь как инструмент контроля [Escobar, 2011].

4. *Социальный капитал и доступ к закрытым сообществам.* Фонды выступают посредниками, обеспечивая волонтерам безопасный доступ к трущобам Киберы или сельским районам Бурунди. Это демонстрирует, как социальный капитал превращается в ресурс для избранных.

Деятельность благотворительных фондов в Бурунди и Кении нельзя сводить к альтруизму. Они функционируют в рамках сложного обмена, где материальная и символическая помощь уравниваются скрытыми выгодами: от мягкой силы до индивидуальной самореализации. Однако их эффективность ограничена ресурсами и отсутствием системной поддержки. Для устойчивого развития необходимо сочетать практическое обучение с институционализацией. Для усиления позитивного влияния деятельности благотворительных фондов в слаборазвитых странах наиболее эффективно развитие локальных инициатив, которые минимизируют зависимость от внешних акторов. Для сохранения культурной идентичности важно изучать долгосрочные последствия культурного импорта через образовательные программы. Благотворительные фонды играют критическую роль в развитии человеческого капитала, но их потенциал раскроется полностью только при интеграции в национальные системы образования и социальной защиты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Кирдина-Чендлер С. Г. 2018. Западные и не-западные институциональные модели во времени и пространстве // Вопросы теоретической экономики. Т. 1. С. 73–88.
- Мосс М. 1996. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах / пер. с фр. М.: Восточная литература. 222 с.
- Радаев В. В. 2002. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени // Экономическая социология. Т. 3. № 5. С. 115–117.
- Appadurai A. 1996. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press. 248 pp.
- Banks N., Hulme D., Edwards M. 2015. NGOs, states, and donors revisited: still too close for comfort? // *World Development*. Vol. 66. Pp. 707–718. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2014.09.028>
- Banks N., Schulpen L., Brockington D. 2020. New sectoral perspectives on international NGOs: scale, dynamics and influences // *Development in Practice*. Vol. 30. Pp. 695–718.
- Becker G. 1993. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education*. Chicago: The University of Chicago Press. 390 pp.
- Bourdieu P. 1986. The forms of capital // *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* / Richardson J. G. (ed.). New York: Greenwood. Pp. 241–258.
- Braun V., Clarke V. 2006. Using thematic analysis in psychology // *Qualitative Research in Psychology*. Vol. 3. No. 2. Pp. 77–101.
- Chzerep J. 2023. *Illusion of Attractiveness: Russia's Pursuit of a Success Story in Africa*. Polish Institute of International Affairs. 159 pp.
- Escobar A. 2011. *Encountering Development: The Making and Unmaking of the Third World*. Princeton: Princeton University Press. 344 pp.

- Frank A. G. 1967. Capitalism and underdevelopment in Latin America. NY: NYU Press. 224 pp.
- Kirdina-Chandler S. G. 2019. Western and non-Western economic institutional models in time and geographical space // *Terra Economicus*. Vol. 17. No. 1. Pp. 8–23.
- Krylova N. L., Kulkova O. S. 2022. Russia's soft power in Africa: potential and challenges of Russian-speaking women's communities // *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 22. No. 4. Pp. 728–740.
- Nee V., Ingram P. 2005. *Embeddedness and Beyond: Institutions, Exchange, and Social Structure*. Stanford: Stanford University Press. 86 pp.
- North D. C. 1990. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press. 152 pp.
- Novozhilov A. B., Starshinova A. V., Arkhipova E. B. 2021. International experience integration of openness and transparency level evaluation of socially oriented NGOs into Russian practice // *KnE Social Sciences*. Vol. 5. No. 2. Pp. 330–341.
- Pritchett L. 2024. Investing in human capital in Africa: a framework for research // *International Journal of Educational Development*. Vol. 107. Pp. 103–148.
- Putnam R. D. 2000. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster. 544 pp.
- Woolcock M., Narayan D. 2000. Social Capital: implications for development theory, research, and policy // *World Bank Research Observer*. Vol. 15. No. 2. Pp. 225–249. <https://doi.org/10.1093/wbro/15.2.225>

References

- Kirdina-Chandler, S. G. (2018). Western and non-Western institutional models in time and space. *Theoretical Economics Issues*, 1, 73–88. [In Russian]
- Mauss, M. (1996). The gift: The form and reason for exchange in archaic societies. *Vostochnaya literatura*. (Original work published 1925). [In Russian]
- Radaev, V. V. (2002). Review of K. Polanyi's. The great transformation: The political and economic origins of our time. *Economic Sociology*, 3(5), 115–117. [In Russian]
- Appadurai, A. (1996). *Modernity at large: Cultural dimensions of globalization*. University of Minnesota Press.
- Banks, N., Hulme, D., & Edwards, M. (2015). NGOs, states, and donors revisited: still too close for comfort? *World Development*, 66, 707–718. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2014.09.028>
- Banks, N., Schulpen L., & Brockington D. (2020). New sectoral perspectives on international NGOs: scale, dynamics and influences. *Development in Practice*, 30, 695–718.
- Becker, G. (1993). *Human capital: A theoretical and empirical analysis with special reference to education* (3rd ed.). The University of Chicago Press.
- Bourdieu, P. (1986). The forms of capital. In J. G. Richardson (Ed.), *Handbook of theory and research for the sociology of education* (pp. 241–258). Greenwood.
- Braun, V., & Clarke, V. (2006). Using thematic analysis in psychology. *Qualitative Research in Psychology*, 3(2), 77–101. <https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa>
- Chzerep, J. (2023). *Illusion of Attractiveness: Russia's Pursuit of a Success Story in Africa*. Polish Institute of International Affairs.

- Escobar, A. (2011). *Encountering development: The making and unmaking of the Third World*. Princeton University Press.
- Frank, A. G. (1967). *Capitalism and underdevelopment in Latin America*. NYU Press.
- Kirdina-Chandler, S. G. (2019). Western and non-Western economic institutional models in time and geographical space. *Terra Economicus*, 17(1), 8–23.
- Krylova, N. L., & Kulkova, O. S. (2022). Russia's soft power in Africa: potential and challenges of Russian-speaking women's communities. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(4), 728–740.
- Nee, V., & Ingram, P. (2005). *Embeddedness and beyond: institutions, exchange, and social structure*. Stanford University Press.
- North, D. C. (1990). *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge University Press.
- Novozhilov, A. B., Starshinova, A. V., & Arkhipova, E. B. (2021). International experience integration of openness and transparency level evaluation of socially oriented NGOs into Russian practice. *КнЕ Social Sciences*, 5(2), 330–341.
- Pritchett, L. (2024). Investing in human capital in Africa: a framework for research. *International Journal of Educational Development*, 107, 103–148.
- Putnam, R. D. (2000). *Bowling alone: the collapse and revival of American community*. Simon & Schuster.
- Woolcock, M., & Narayan, D. (2000). Social capital: implications for development theory, research, and policy. *World Bank Research Observer*, 15(2), 225–249. <https://doi.org/10.1093/wbro/15.2.225>

Информация об авторах

Гульнара Фатыховна Ромашкина, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
g.f.romashkina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7764-5566>, Scopus Author ID: 16437113600, WoS ResearcherID: O-7221-2017

Владимир Степанович Кибукевич, аспирант, кафедра общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
kibukevich.vs@phystech.edu, <https://orcid.org/0009-0000-9922-6760>

Information about the authors

Gulnara F. Romashkina, Dr. Sci. (Soc.), Professor, Professor of the Department of Economic Security, System Analysis and Control, University of Tyumen, Tyumen, Russia
g.f.romashkina@utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1848-1646>, Scopus ID: 59491658200, WOS Research ID: HTL-2176-2023, Author ID: 1258562

Vladimir S. Kibukevich, Postgraduate Student, Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen, Tyumen, Russia
kibukevich.vs@phystech.edu, <https://orcid.org/0009-0000-9922-6760>

Приложение 1. Основные характеристики выборки эмпирического исследования
Appendix 1. Main characteristics of the empirical study sample

Респон- дент	Страна/ регион	Роль	Происхож- дение	Продолжитель- ность пребывания	Особенности вклада
P1	Бурунди	Волон- тер-препо- даватель	Канада	3 месяца в миссии в Буджумбуре	Игровое препода- вание английского, участие в адаптации учебных сказок
P2	Бурунди	Исполни- тельный директор фонда	Местный жи- тель, учился в России	Основал миссию после возвраще- ния из РФ	Администрирова- ние, организация классов, работа с российскими до- норами, взаимодей- ствие с внешними партнерами
P3	Кения	Руководи- тель рос- сийско-ке- нийского фонда	Россия	3 года работы, вы- пускник русской программы	Руководство про- граммой, форми- рование миссии, координация с во- лонтерами из РФ
P4	Кения	Россий- ский волон- тер-препо- даватель	Россия	2 месяца, участие в детской про- грамме	Преподавание по библейским рас- сказам, организация школьных меропр- ятий
P5	Бурунди	Волонтер	Россия	3 месяца	Оказание медицин- ской помощи, разви- вающие воркшопы для детей
P6	Бурунди	Волонтер, IT-коорди- натор	Израиль	Консультационная помощь онлайн и на месте	Настройка свя- зи, цифровизация образовательных материалов, веде- ние сайта
P7	Бурунди	Препо- даватель этики и гигиены	Россия	Несколько меся- цев в миссии	Проведение уроков, работа с детьми и подростками
P8	Кения	Координа- тор группы волонте- ров	Россия	Регулярное уча- стие, организация выездов	Подбор волонтеров, логистика, культур- ная адаптация